гижда напоминали, чтоб они, познав свои вины перед нами, исправились и дань нам попрежнему давали; и они перед нами ни в чем не исправилися, еще и прибавили всякого неисправления и грубости; и мы на них рати свои многижда посылали“.[1] Аналогично трактует вопрос о Ливонии автор „Повести о двух посольствах“: Ливония — вотчина русского государя, царь ходил в свою вотчину — в Ругодив. Пайдинские немцы не ударили Ивану Грозному челом, за это он и велел разорить и сжечь город Пайду. В „Повести“ звучит та же тема, что и в дипломатических документах: неисправление и вина ливонцев перед русским государем.

Сложность сюжета „Повести о двух посольствах“ заключается в том, что в ней соединены темы посольства 1570 года в Турцию и посольства 1576 года к Максимилиану Габсбургу. Во внешней политике Русского государства XVI века эти темы были связаны самым теснейшим образом. Правительство Священной Римской империи делало все возможное, чтобы использовать Русское государство как заслон против наступавших на Европу турок. Для этого Габсбурги стремились воспользоваться любым обострением отношений между Русским государством и Турцией, что открывало возможность дипломатического сближения Русского государства с Габсбургами. 1571—1572 годы ознаменованы ухудшением русско-турецких отношений (набеги Девлет-Гирея на Москву), а в 1576 году в переговорах с Сугорским Габсбурги пытались сделать первый шаг к заключению с Русским государством антитурецкого союза.

Статейные списки также соединили эти две темы. Габсбургов интересовали русско-турецкие отношения, поэтому послу в Регенсбург Захарию Сугорскому в наказе было написано следующее: „А нечто спросят князя Захарья и Андрея,[2] коим обычаем недруг государев крымский, пришед к Москве и посады пожег. И князю Захарью и Андрею говорити: крымский царь государя окрал, прислал к государю нашему царю и великому князю тое весны о перемирье гонцов своих, и государь, оплошась на то, рать свою послал на непослушника своего, на свейского короля. А сам государь нашь для земских справ отъезжал по селом своим, оплошась на присылку крымского царя; и царь через свою правду пришел с турскими и с крымскими со многими людьми на московские места и посады у Москвы пожег“.[3] По содержанию это место из наказа послам почти полностью совпадает с началом „Повести о двух посольствах“, где рассказывается об отправлении русского посла Андрея Ищеина к „турскому“ Мурату-салтану с жалобой на крымского „Мингирея царя“, который „через крестное целование и мирное поставление“ пришел на Русь с войной и сжег московские посады.

Сюжетной связкой двух рассказов о посольствах в „Повести“ служит тема титулов: турецкий султан не хочет принимать посольство Ивана IV, потому что тот титулует султана в посольском листе так же, как и его вассала — крымского царя. Иван IV озабочен — какие же титулы следует писать в обращении к турецкому султану. На этом заканчивается рассказ о посольстве Ищеина. Следующий за ним рассказ о посольстве Сугорского снова начинается темой титулов: князь Сугорский послан к христианскому королю Максимилиану узнать, какими титулами пишется турецкий султан. В конце рассказа сообщается, что

---

[1] Памятники дипломатических сношений. . . , стлб. 655.
[2] Андрей — дьяк Андрей Гаврилович Арцыбашев.
[3] Памятники дипломатических сношений. . . , стлб. 605—606.